

УДК 821.161.1

«ИСПОВЕДЬ» Л.Н.ТОЛСТОГО В АСПЕКТАХ БУДДИЙСКОГО ЗНАНИЯ

© Р.Ф.Бекметов

Статья представляет собой опыт прочтения «Исповеди» Л.Н.Толстого в свете жизнеописания Будды (Гаутамы Шакьямуни). Устанавливаются структурные и содержательные параллели двух биографий; отмечается роль буддийского фактора как момента, корректирующего смыслы толстовских духовных исканий; подчеркивается необходимость синтеза религиозно-культурных традиций в осмыслении классического литературно-философского текста.

Ключевые слова: Л.Н.Толстой, «Исповедь», христианство, буддизм, текст.

Об интересе Л.Н.Толстого к учению Будды¹ написано немало [2]. Сам факт его увлечения буддизмом (и шире – идейными течениями древней и современной ему Индии) относится к числу общепризнанных; буддийская вера была для писателя объектом рационального постижения в процессе сложных духовных исканий. Л.Н.Толстой и в этом вопросе оставался верным себе, точнее, той линии творческого поведения, которая определяла в нем специфику отношений к фактам действительности: он высказывался о буддизме предельно глубоко и содержательно, владея имевшимся в его распоряжении материалом и стремясь по мере сил сделать понятое общим достоянием. Л.Н.Толстой был наследником просветительской традиции, поэтому всякое утверждение о занимавшем его предмете опиралось на хорошее знание источников, пусть и почерпнутых из вторых или третьих рук.

Считается, что первые представления о буддизме Л.Н.Толстой получил в Казани, когда девятнадцатилетним юношей оказался в местном госпитале. Там он познакомился с буддийским монахом, на которого в пути напал разбойник, ограбив и нанеся тяжелые увечья. Л.Н.Толстого поразило тот факт, что монах не оказал обидчику сопротивления, но, напротив, стал молиться, спокойно ожидая смерти. Поведение буддиста казалось алогичным, выбивающимся из принятой в жизни формы реакции на агрессию; кроме того, Л.Н.Толстого, по-видимому, не могло не удивить в этом событии то, что алогизм поведения монаха носил вполне сознательный характер, когда дело не расходилось со словом (верой), а подтверждало его. Не будет выглядеть грубой ошибкой предпо-

ложение, согласно которому толстовская теория непротивления злу насилием в элементарном виде восходит именно к описанному случаю из ранней биографии писателя, хотя христианский контекст этой теории не вызывает особых сомнений. Отметим также, что во II половине XIX столетия в Казанском императорском университете, где учился Л.Н.Толстой, буддологическая школа существовала², и это давало возможность если не прикоснуться к чужому мировоззрению, то хотя бы ощутить атмосферу экзотического Востока. Впрочем, Л.Н.Толстой в университете не проявил себя в качестве прилежного студента; он выбрал путь самообразования и самодисциплины, который дал ему больше в сравнении с тем, что он приобрел бы в Казани. Этот путь ориентировался на целостное внутреннее движение, при котором «внешнее» познание служило либо попыткой найти ответ на исходящий из глубин личностного сознания вопрос, либо способом активизации скрытого («дремлющего») гносеологического потенциала. Как бы то ни было, но по-настоящему буддийское мирозерцание вошло в религиозно-философский кругозор Л.Н.Толстого значительно позднее.

Мы не станем описывать этапы приобщения Л.Н.Толстого к буддизму; это обширная тема, которая требует, как кажется, научного освещения с новых позиций. Несмотря на то что по данной проблеме имеется определенная литература, многое все же нуждается в системном переосмыслении и, возможно, методологическом пересмотре. Нам пока важно указать на то, что буддизм в сочинениях Л.Н.Толстого – не только объект авторской оценки (такое понимание буддизма является ожидаемым и привычным), но и своего рода конструктивный метаязык, позволяющий раскрыть

¹ Следует сказать о том, что слово «буддизм» появилось в XIX веке, и изобретателями этого термина были европейские ученые-ориенталисты [1: 5]. Сами буддисты называют свою религию «Дхармой», то есть «Учением», «Законом» или, в более конкретном варианте, «Буддхадхармой» («Учением Будды»).

² Ее представителями были не только собственно русские или работавшие в России западноевропейские востоковеды, но и прямые выходцы из районов буддийского культурного ареала (буряты, например).

особенности духовно-творческого мышления писателя в универсальном антропологическом измерении. Иными словами, то, что проистекает от самого Л.Н.Толстого в его толкованиях христианства, «сухой остаток» его субъектных суждений правомерно, на наш взгляд, сблизать без абсолютизации с «буддийским текстом», объяснять через него или, словами автора в рассказе «Карма» (1894), «как бы с новой стороны освещать... открытые христианством истины» [3: 268].

Обратимся в свете сказанного к одному из поворотных произведений Л.Н.Толстого – знаменитой «Исповеди» (1879-1882).

Творческая история «Исповеди» достаточно известна³, поэтому сразу подчеркнем, что Л.Н.Толстой не называл произведение «исповедью»: так обозначили его первые читатели, а сам писатель спустя некоторое время лишь согласился, хотя воспринимал написанное как «вступление к ненапечатанному сочинению». Эта характерная позиция определялась, с одной стороны, *эпическим* типом литературного сознания Л.Н.Толстого. Дело в том, что эпически мыслящий художник в исходном замысле, как правило, пытается охватить человеческую жизнь через разнообразие ее форм и – самое главное – вечную подвижность, постоянную динамику, изменчивость и текучесть. Благодаря этому, в частности, любое эпическое произведение (индивидуальное или коллективное) как бы устремлено в бесконечность и ни в логическом, ни в эмоциональном отношении никогда не может быть завершено. «Эпическую» точку поставить трудно. С другой стороны, сочинение, истолкованное как исповедь, задавало жанровые границы, а вместе с ними и культурно-исторический фон, на котором жанр себя проявлял. Закономерно, что толстовскую «Исповедь» долгое время сравнивали с «Исповедью» блаженного Августина – первой в истории европейской литературы автобиографической повестью. И действительно, в обоих случаях читатель был свидетелем истории жизни, которая подвергалась нравственному анализу, при этом отчетливо просматривались сходные точки бытийно-

го пути. Так, молодость у Л.Н.Толстого и Августина – это время «пылающей страсти» и безрассудства, поддерживаемого социальной средой. «Мне и распутничать нравилось не только из любви к распутству, но и из тщеславия», – писал Августин, отмечая, что ему приходилось придумывать порочные подвиги, только бы не прослыть целомудренным [4]. «Честолюбие, властолюбие, корыстолюбие, любострастие, гордость, гнев, месть – все это уважалось, – в аналогичном духе интерпретировал свое поведение Л.Н.Толстой. – Отдаваясь этим страстям, я становился похож на большого (взрослого человека. – Р.Б.), и я чувствовал, что мною доволен» [5: 109]. По мнению А.Панченко, продолжающего линию жанровой детерминации смыслов литературного сочинения и учитывающего *художественную* природу толстовского биографизма, «Исповедь» русского писателя «построена по очень давней трехчастной схеме христианской легенды» [6: 354]. Первым элементом этой довольно твердой схемы является мотив прегрешения, вторым – наказание грешника, а третьим – «исцеление, прозрение, обретение благодати» [6: 354].

В целом, такую схему пути принять можно; для нее есть *конкретные* текстовые основания. Вместе с тем нетрудно заметить, что у Л.Н.Толстого она, вопреки велению жанровой формы, воплощается с отклонением от «правильного» канона; отклонение это в отдельных случаях становится настолько глубоким, что возникает вопрос о наличии другой религиозно-культурной традиции, которая выступает в роли корректирующего толстовское христианство семантического момента. Во-первых, Л.Н.Толстой в строгом смысле слова не пишет историю своих прегрешений; он, скорее, с напряженным вниманием вглядывается в прожитые годы, пытаясь понять корни духовного кризиса, ибо кризис настиг его не в одночасье, а в постепенном, как ком, нарастании множественных противоречий. Л.Н.Толстой психологизирует событийную канву, придает ей известную долю драматичности, доводит ситуацию до крайней точки, чтобы яснее увидеть фундирующую кризис первопричину. Во-вторых, повествование Л.Н.Толстого создает иллюзию перманентно рождающегося слова, чего у Августина нет. Августин владеет истиной, поэтому он способен оценить свое прошлое без колебаний. Истина ему открылась, стала фактом его сознания; отсюда проистекает прямолинейно-решительный тон Августина – человека, обретшего веру и постигшего через нее внутренний свет. У Л.Н.Толстого – не так: истину он желает отделить от лжи; как человек пути он еще находится в поиске, и много онтологических вопросов остаются для него неразрешенными. Приме-

³ Издательская судьба этого текста была нелегкой, как все, что писал Л.Н.Толстой на религиозную тему с пафосом сурового обличения. Попытку опубликовать «Исповедь» предпринимал в свое время журнал «Русская мысль», но она, в конечном счете, оказалась неудачной из-за позиции Московского духовного цензурного комитета, полагавшего, что Л.Н.Толстой в своем творении неуважительно отзывается о многих обрядах русской православной церкви. Текст «Исповеди» быстро разошелся по спискам, вышел в зарубежной печати и лишь в 1906 году был представлен полностью, без купюр и компромиссных авторских смягчений, во «Всемирном вестнике».

чательна в этом плане концовка «Исповеди», представляющая собой свернутый знак предыдущего рассказа, его образную квинтэссенцию. Л.Н.Толстой пишет о собственном сне, который необходимо, конечно, трактовать символически. Писатель видит себя лежащим между двумя безднами; их бесконечность пугает, однако Л.Н.Толстой обнаруживает в душе некий «столб» (сплывающую вертикаль), который позволяет душе как-то держаться [5: 164-165].

Думается, что продуктивнее было бы провести параллель между исповедью Л.Н.Толстого и жизнеописанием Будды (естественно, исключая фантастическую часть, связанную с архаической мифологией). В самом деле, кризис, пережитый Л.Н.Толстым, невозможно рассматривать вне исторического времени, насыщенного чувством психоидеологического брожения. Духовные искания Л.Н.Толстого – явление не единичное, а общенациональное, и дух эпохи его предполагал⁴. Но точно так же буддизм появился в период кризиса древней ведической религии, хранителями которого были жрецы-брахманы, одаренные возвышенным поэтическим талантом. (То обстоятельство, что и христианство сформировалось во время кризиса позднеантичной культуры, указывает на общность процессов социально-религиозного развития). Л.Н.Толстой, как и Будда, жил до определенного возраста в замкнутом пространстве общественных норм и традиций («роскошном дворце», куда вход для сторонних был запрещен). Он был частью узкого мира избранных, ревнителей старого ритуала, их голосом; не случайно Л.Н.Толстой в «Исповеди» называет себя «жрецом (поэзии): «Я был одним из ее жрецов. Быть жрецом было выгодно и приятно. И я довольно долго жил в этой вере, не сомневаясь в ее истинности... Я наивно воображал, что... могу учить всех» [5: 111]. Как и Будда, Л.Н.Толстой разрушает в себе устои прежней веры, когда сталкивается с жизнью в ее неприглядной форме. У Будды таких встреч было четыре, и одна из них – созерцание похоронной процессии. Для Л.Н.Толстого моментом истины стала смерть брата, «умного, доброго, серьезного» [5: 113], а еще раньше, в Париже, – казнь преступника на гильотине. «Когда я увидел, – пишет Л.Н.Толстой, – как голова отделилась от тела и то и другое врозь застучало в ящике, я понял – не умом, а всем существом, – что никакие теории разумности существующего и прогресса не могут оп-

равдать этого поступка» [5: 113]. После осознания необходимости новой жизни Л.Н.Толстой погружается в изучение богословских трудов и общение с учеными адептами православной церкви («архимандритами, архиереями, старцами, схимниками» [5: 120]). Будда, покинувший родной очаг и отсекавший в знак отречения от мирской жизни длинные волосы, вступил в диалог со шраманами – философами-аскетами, оппозиционно настроенными по отношению к Ведам и практиковавшими йогу. Следуя их наставлениям, Будда всячески умерщвлял свою плоть, но крайнее пренебрежение собственным телом не привело его к просветлению. Отказавшись от утомительного голодания, Сиддхартха принял рисовую кашу на молоке из рук деревенской девушки, после чего шраматы, назвав его отступником, оставили в одиночестве. Примерно так же Л.Н.Толстой исполнял обряды церкви, не видя в них ничего дурного. «Вставая рано к церковной службе, – пояснял он, – я знал, что делаю хорошо уже только потому, что для смирения своей гордости ума... во имя искания смысла жизни я жертвовал своим телесным спокойствием... Я говел, постился, соблюдал временные молитвы дома и в церкви» [5: 156]. Однако и здесь сомнения победили: Л.Н.Толстой признал обряды бессмысленными⁵. «Я ищущу веры, силы жизни, а они (клирики. – Р.Б.) ищут наилучшего средства исполнения перед людьми известных человеческих обязанностей» [5: 161]. Интересно, что параллелизм двух путей жизни проявляется в выборе созерцательно-

⁵ Один из такого рода церковных обрядов – причащение (ср.: «Когда и подошел к царским дверям и священник заставил меня повторить то, что то, что я буду глотать, есть истинное тело и кровь, меня резнуло по сердцу» [5: 157]). С ним же связано поклонение мощам и иконам, различные таинства и церковные службы – словом, то, что Л.Н.Толстой именовал «суевериями». Вместе с тем умеренный пост Л.Н.Толстой, как и Будда, не отрицал. Воздержание как начало доброй жизни, по его мнению, начинается с поста и поддерживается им. В особенности пост важен в отношении мясного. Л.Н.Толстой, как известно, ратовал за отказ от поедания животного мяса; вегетарианская культура им пропагандировалась, он был ее ярким и последовательным сторонником, полагая, что так в действиях воплощается принцип «ахимсы», ненасилия в отношении всех живых существ. Об этом, в частности, его статья «Первая ступень» (1891), публицистическая по содержанию, но художественная по форме (композиционно продуманная, стилистически выверенная и эмоционально проникновенная) [7]; ср., к примеру, страшные эпизоды забоя животных в скотном дворе, свидетелем которых Л.Н.Толстой был. К воздержанию относился и отказ от вина и других хмельных напитков (статья «Пора опомниться!» [8]). В буддизме употребление вина – из числа запрещенных деяний.

⁴ Ссылаться на множественные факты от научно-позитивистских сомнений до альтернативных господствующему мнению философских теорий, пышно расцветших во II половине XIX века, нам кажется излишним.

го хронотопа: в обоих случаях это – лес, естественная среда. Будда уходит в лес намеренно, оставляя на его границе любимого коня Кантаке со слугами; в медитативное состояние он входит, сидя под баньяновым деревом, после расставания с пятью шраманами. Л.Н.Толстой же сравнивает свою растерянность перед фундаментальными вопросами бытия с чувством, «которое испытывает заблудившийся в лесу человек» [5: 126]. Лес в индубуддийской традиции – символ интеллектуальных и душевных блужданий; в этом отношении он представляет угрозу (ср., впрочем, средневековую *европейскую* трактовку леса в «Божественной комедии» Данте). С другой стороны, лесное дерево в буддизме – вертикаль, соединяющая землю и небо, место подлинного Пробуждения, наделенное позитивными коннотациями. Л.Н.Толстой в «Исповеди» фиксирует эти значения. Лес для него – образный синоним духовной безнадежности и затерянного существования, «экзистенциальной заброшенности», если говорить языком философии XX века («Вышел на поляну, влез на дерево и увидел ясно беспредельные пространства, но увидел, что дома там нет и не может быть; пошел в чашу, во мрак, и увидел мрак, и тоже нет и нет дома. Так блуждал я в лесу знаний человеческих...» [5: 126]). В то же время лес – потенциальная возможность услышать голос высокой истины («Помню, это было раннею весной, я один был в лесу, прислушиваясь к звукам леса. Я прислушивался и думал все об одном... Я искал Бога» [5: 132]).

Примеры подобных схождений можно умножать, тем более что буддийские мотивы в структуре «Исповеди» декларируются автором открыто. Это и простой толстовский пересказ жизни «Сакиа-Муни» (из «индийской мудрости») в ряду великих учителей человечества, и сравнение своей ситуации с положением Будды («Я, как Сакиа-Муни, не мог ехать на охоту, зная, что есть старость, страдание, смерть» [5: 150]), и буддийская притча о путнике и единороге («восточная басня») с развернутым комментарием (след чтения Л.Н.Толстым «Повести о Варлааме и Иоасафе», переводного древнерусского произведения, в позднейшей обработке) [5: 118 – 119], и устные рассказы безграмотных странников («Там были жития Макария Великого, Иоасафа-царевича (история Будды)...» [5: 158], см. подробнее: [9]).

В итоге, «Исповедь» Л.Н.Толстого – сложный полифонический текст, авторская картина которого раскрывается в контексте христианско-буддийского диалога. Нельзя категорично утверждать, что перед нами обычная эклектика в религиозно-философской сфере; такой взгляд чрезвычайно распространен. Л.Н.Толстой искал первозданное вероучение, очищенное от пустых,

как ему представлялось, обрядовых наслоений⁶ и одновременно близкое человеку, придающее его жизни надежду и благой смысл.

1. *Торчинов Е.А.* Введение в буддизм. – СПб.: Амфора, 2013. – 430 с.
2. См. хотя бы: *Игнатович А.Н.* Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы и понимание Л.Н.Толстым «Царства Божия внутри нас» (сравнительный анализ) // Buddas.narod.ru: Официальный сайт буддийского Ордена Ниппондзан Мёходзи в СНГ. URL: www.buddas.narod.ru/sutran.htm (дата обращения: 07.02.2015); *Монин М.А.* Толстой и Фет: два прочтения Шопенгауэра: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2001. – 23 с.; *Уланов М.С.* Буддизм в истории русской философской мысли конца XIX – I половины XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук – М., 2000. – 25 с.
3. *Толстой Л.Н.* Карма // Л.Н.Толстой Собрание сочинений: в 22 томах. – Т. XII: Повести и рассказы (1885-1902) / коммент. В.Я.Линкова. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 268 – 277.
4. *Аврелий Августин.* Исповедь // Lib.ru: библиотека Максима Мошкова. – М., 1994-2015. URL: www.lib.ru/HRISTIAN/AWRELIJ/ispowed.txt (дата обращения: 05.02.2015).
5. *Толстой Л.Н.* Исповедь // Л.Н.Толстой. Собрание сочинений: в 22 томах. – Т. XVI: Избранные публицистические статьи (1855-1886) / коммент. Л.Д.Опульской. – М.: Художественная литература, 1983. – С. 106 – 165.
6. *Панченко А.* Несколько страниц из истории русской души // Л.Н.Толстой. Исповедь. В чем моя вера? / вступ. статья А.Меня; послесл. А.Панченко; подгот. текста и коммент. Г.Галаган. – Л.: Художественная литература, 1990. – С. 346 – 360.
7. *Толстой Л.Н.* Первая ступень // Л.Н.Толстой. Полное собрание сочинений: в 90 томах. – Т. XXIX. – М.: ГИХЛ, 1954. – С. 47 – 53.
8. *Толстой Л.Н.* Пора опомниться! // Л.Н.Толстой. Собрание сочинений: в 22 томах. – Т. XVII: Избранные публицистические статьи (1886-1908) / коммент. Л.Д.Опульской. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 136 – 138.
9. *Державина О.А.* Пролог в творчестве русских классиков XVIII-XX веков и в фольклоре // Литературный сборник XVII века. «Пролог» / под ред. А.С.Демина. – М.: Наука, 1978. – С. 155 – 170.

⁶ Они вошли в религиозную систему вместе с человеческим элементом, поэтому писатель и отделял веру как чувство и рациональную установку от религии как социального института, заменяющего индивидуальное духовное подвижничество. Используя христианский мета-язык, Н.А.Бердяев об этом писал так: «Мироощущение и мирозерцание Льва Толстого вполне внехристианское и дохристианское во все периоды его жизни... Для Толстого существует не Христос, а лишь учение Христа, заповеди Христа... Он принимает христианство безлично, отвлеченно... без всякого лика» [10: 172].

10. *Бердяев Н.А.* Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Льва Толстого // О религии Льва

Толстого: сб.ст. – М.: Типография Императорского Московского ун-та, 1912. – С. 172 – 195.

«CONFESSION» BY LEO TOLSTOY IN TERMS OF BUDDHIST KNOWLEDGE

R.F.Bekmetov

The article represents an experience of interpreting “Confession” by Leo Tolstoy in the light of Buddha Sakyamuni’s biography and establishes structural and substantive similarities between the two biographies. It highlights the role of the Buddhist factor as a point which corrects the meaning of Leo Tolstoy’s spiritual quest and emphasizes the need for the synthesis of religious and cultural traditions in understanding classical literary and philosophical texts.

Key words: Leo Tolstoy, “Confession”, Christianity, Buddhism, text.

1. *Torchinov E.A.* Vvedenie v buddizm. – SPb.: Amfora, 2013. – 430 s. (in Russian)
2. *Ignatovich A.N.* Sutra o Cvetke Lotosa Chudesnoj Dxarmy i po-nimanie L.N.Tolstym «Carstva Bozhiya vnutri nas» (sravnitel'nyj analiz) // Buddas.narod.ru: Oficial'nyj sajt buddijskogo Ordena Nippondzan Myo-xodzi v SNG. URL: www.buddas.narod.ru/sutran.htm (data obrashheniya: 07.02.2015); *Monin M.A.* Tolstoj i Fet: dva prochteniya Shopengauera: avto-ref. dis. ... kand. filos. nauk. – M., 2001. – 23 s.; *Ulanov M.S.* Buddizm v istorii russkoj filosofskoj mysli konca XIX – I poloviny XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk – M., 2000. – 25 s. (in Russian)
3. *Tolstoj L.N.* Karma // L.N.Tolstoj Sobranie sochinenij: v 22 tomah. – T. XII: Povesti i rasskazy (1885-1902) / komment. V.Ya.Linkova. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1982. – S. 268 – 277. (in Russian)
4. *Avrelij Avgustin.* Ispoved' // Lib.ru: biblioteka Maksima Moshkova. – M., 1994-2015. URL: www.lib.ru/HRISTIAN/AWRELIJ/ispoved.txt (data obrashheniya: 05.02.2015). (in Russian)
5. *Tolstoj L.N.* Ispoved' // L.N.Tolstoj. Sobranie sochinenij: v 22 tomah. – T. XVI: Izbrannye publicis-
6. *Panchenko A.* Neskol'ko stranic iz istorii russkoj dushi // L.N.Tolstoj. Ispoved'. V chem moya vera? / vstup. stat'ya A.Menya; poslesl. A.Panchenko; podgot. teksta i komment. G.Galagan. – L.: Xudozhestvennaya literatura, 1990. – S. 346 – 360. (in Russian)
7. *Tolstoj L.N.* Pervaya stupen' // L.N.Tolstoj. Polnoe sobranie sochinenij: v 90 tomah. – T. XXIX. – M.: GIXL, 1954. – S. 47 – 53. (in Russian)
8. *Tolstoj L.N.* Pora opomnit'sya! // L.N.Tolstoj. Sobranie sochinenij: v 22 tomah. – T. XVII: Izbrannye publicisticheskie stat'i (1886-1908) / komment. L.D.Opul'skoj. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1984. – S. 136 – 138. (in Russian)
9. *Derzhavina O.A.* Prolog v tvorcestve russkix klassikov XVIII-XX vekov i v fol'klore // Literaturnyj sbornik XVII veka. «Prolog» / pod red. A.S.Demina. – M.: Nauka, 1978. – S. 155 – 170. (in Russian)
10. *Berdyayev N.A.* Vexij i Novyj Zavet v religioznom soznanii L'va Tolstogo // O religii L'va Tolstogo: sb.st. – M.: Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo un-ta, 1912. – S. 172 – 195. (in Russian)

Бекметов Ринат Ферганович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул.Кремлевская, 18.
E-mail: bekmetov@list.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Instruction, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: bekmetov@list.ru

Поступила в редакцию 16.02.2015